

АЗИАТСКИЕ РЕФОРМЫ: ФОРМУЛА УСПЕХА

Цивилизационные модели современности и их исторические корни. – К.: «Наукова думка», 2002. – С.380 – 389.

Азиатские страны весьма отличаются друг от друга. Не похожи и рецепты их реформирования. Объединяет их главное — успехи в реформировании экономики.

Рассмотрим ситуацию детальнее. Действительно, страны различаются не только общественно-политическими устройствами, очень разнятся культуры, язык, обычаи. Даже вообразить себе трудно, что Китай значительно больше отличается от соседней Японии, чем Франция от Германии. Нечего и говорить о таких странах, как Китай и Индия. В Азии часто что ни страна, то цивилизация: китайская, индийская, японская.

Известный американский специалист по проблемам Азии профессор Р. Скалапино отмечал, что теперь здесь можно наблюдать практически все современные общественно-политические модели: свободного рынка (Япония), авторитарно-плюралистическую (Республика Корея, Тайвань, Сингапур), централизованную с элементами рыночной экономики (Китай, Вьетнам), централизованную закрытую сталинского типа (КНДР)¹.

Правда, еще 40—50 лет тому назад их объединяло то, что все они имели колониальное (или полуколониальное) прошлое. Население жило на грани голода. Бесконечные внешние вмешательства, военные конфликты, стихийные бедствия и восстания оставляли после себя руины. Но всегда присутствовали здесь стойкость и несокрушимый дух. Когда читаешь китайские классические романы, произведения великого писателя Лао Шэ, начинаешь понимать, каким позором было даже для простого китайца «потерять лицо», то есть опозорить себя, потерять собственное достоинство. Один внимательный украинский автор справедливо обратил внимание на то, что «в политическом поведении народов, добившихся неоспоримых успехов в улучшении своей экономической и общественной жизни, заметны уверенность, чувство собственного достоинства, основанное на владении собственностью, законопослушание, уважение к нормам морали»².

Незаангажированный специалист не может обойти вниманием возрастающую роль в общественной жизни азиатских стран национальных ценностей и религии. В значительной мере это можно рассматривать как природную отрицательную реакцию на цивилизационное столкновение с системой западных ценностей. Отторжение таких ценностей стимулирует возвращение к собственным корням и традициям. Баланс между религиозными и национальными ценностями различается от страны к стране, но общая тенденция повсюду схожа. Иногда (особенно на Ближнем Востоке) это происходит в крайне острых формах (Иран, Ливия, Ирак). Расплатой за непослушание Западу становится отлучение их от благ цивилизации, экономические санкции, политическая изоляция, предание жестокой критике со стороны так называемого *мирового сообщества*. Не исключается вероятность применения против «непослушных» и военной силы. Следствие таких действий — экономическая

¹ Р.Скалапино. Азиатско-тихоокеанский регион в глобальном контексте. Доклад на конференции в Пекинском университете «Вызовы XXI века: исследования международных отношений в Китае», прошедшей 17—19 июня 1991 г. Пекин.

² В. Горбулин. Власти следует признать: многие издержки реформ — следствие корысти и жадности тех, кто злоупотребил доверием народа // Зеркало недели». — 7 июля, - 2001 г.

деградация и нередко длительная стагнация, а то и депрессия в экономике. Международная изоляция приводит к консервации установившихся форм власти, что влечет за собой дальнейшее усиление фундаменталистских мотивов в политике этих режимов.

Небезынтересным, по нашему мнению, является тот факт, что чем дальше на восток Азии, тем слабее ощущается влияние западного мира на расположенные там страны. Очевидно, не случайно именно в Корее, а потом и во Вьетнаме велись длительные кровопролитные войны. Здесь ощущается близость России (раньше — СССР) со всеми плюсами и минусами ее политики, и Китая, который сам по себе представляет по сути целую планету. Но, думается, дело не только в этом. Есть определенные основания считать, что, кроме идеологических, здесь действуют и другие факторы, среди которых не последнюю роль играют исторические и культурные традиции. Яркая самобытность стран и народов этого региона без преувеличения бросается в глаза. Безусловно, не случайно и то, что именно здесь странами Азии были достигнуты поразительные экономические результаты.

Невероятное упорство, высокий моральный дух населения, способность выживать и достигать поставленной цели при любых (в том числе экстремальных) условиях, готовность решать спорные вопросы путем компромисса, быстрое усвоение западного (в особенности технологического и управленческого) опыта при сохранении собственных национальных ценностей составляют основу экономического прогресса. Некоторые западные исследователи утверждают, что в основе этих процессов лежит явление, которое получило название азиатского национализма³.

Если более пристально присмотреться к причинам успехов, достигнутых такими разными странами, как Китай, Япония, Индия, то, несмотря на разительное несовпадение их официальных идеологий, стоит признать главным фактором успеха сконцентрированную национальную волю, которую, как известно, выражает и реализует политическая элита. Под этим понятием понимаются решительные усилия различных сил, которые осознали необходимость объединения элиты на общей национально-идеологической почве и управляемого ею общества, с целью достичь высокого уровня экономического развития, повышения жизненного уровня населения, что, в свою очередь, работает на укрепление международного авторитета отдельной страны.

Вместе с тем прослеживается и противоположная тенденция. По мере возрастания общественного благосостояния в азиатских обществах появляются космополитические и потребительские настроения, желание приобщиться к западному образу жизни и западным стереотипам мышления. Этому в значительной мере оказывают содействие западные СМИ имеющие глобальные возможности.

Таким образом, процесс развития, происходящий в странах Азиатско-тихоокеанского региона, представляет собой своеобразное и иногда довольно противоречивое переплетение традиционных азиатских ценностей с ценностями западной демократии. Этот процесс сопровождается соответственным освоением достижений Запада. И здесь речь уже идет не только и не столько об усвоении технологических и управленческих новаций, сколько о более глубоком знакомстве гуманитарного плана. Например, достаточно зайти в книжный магазин в Пекине или в Сеуле, чтобы увидеть, какое огромное количество произведений западных авторов там издается. Причем все это происходит на фоне сохранения интереса к собственным ценностям. Известно, что до конца 70-х годов в Японии наблюдалась стойкая

³ Р. Скалапино. Указ. соч. — С. 7.

тенденция падения престижа традиционных национальных ценностей. Западные ценности постепенно становились приоритетными в обществе. Но вместе с тем усиливались такие негативные явления, как индивидуализм, равнодушие, апатия. Видный японский политик Я. Накасонэ в книге «После «холодной войны» писал: «Япония, к сожалению, продемонстрировала у себя точную копию американской демократии. При этом ясно проявилась такая черта как «деспотия большинства», которая проявилась в форме господства мысли, созданной средствами массовой информации. Под этим термином понимаются СМИ, которые разрослись до огромных масштабов и вдобавок демонстрируют однообразие, акцентируя внимание на таких низких чувствах, как зависть, недовольство, неугомные желания, которые проявляются в национальном масштабе во всей духовной атмосфере общества... Массы не в силах распознать опасность вырождения демократии. Они считают общественным мнением лишь проявление групповых чувств и, опираясь на это представление, способны на прямое насилие в политической сфере»⁴. Следует напомнить, что это касается Японии, а не Украины или России. Но, согласитесь, звучит актуально. А вот что пишет тот же Я. Накасонэ о наших проблемах: «Распад Советского Союза — это процесс поиска каждой республикой, которая входила в его состав, своей собственной, забытой истории. Советский народ похож на человека, что утратил память, он без сомнений движется к душевному вакууму, не имея никакой базы в прошлом. Крах идеалов социализма с течением времени будет компенсирован. Но насколько сложнее будет возродить историю как воплощение традиций!»

До чего же тяжело нам, вчерашним советским людям и сегодняшним украинцам, побороть следствия ошибочной привычки отвергать все, что отошло в историю, поносить выдающихся деятелей прошлого, плевать в колодезь своей истории и своих традиций.

В Японии лишь со второй половины 80-х годов начинается медленное восстановление интереса к традиционным национальным ценностям. В то же время большей частью сохраняется специфика японского образа жизни. Так, большинство населения (более 70 %) считает, что порядок в государстве, то есть существующая корпоративная структура, важнее свободы и прав человека, которым не придается большого значения. В японском обществе с его конформизмом, «чувством стыда», опасением «потерять лицо» так и не возник крайний индивидуализм американского типа. Японский индивидуализм смягчен чувством солидарности и поиском гармонии. А на первый план все больше выходит понятие «семьи». В Китае это понятие также издавна имеет глубокое содержание. Если принять во внимание тот факт, что оно играет большую роль и в украинском обществе, то не следовало бы сделать акцент именно на этом? Возможно, это оказало бы содействие сохранению и укреплению здоровых клеток в пораженном апатией и равнодушием, крайне атомизированном организме украинского общества.

Демократия и порядок — это цель. А как ее достичь? Проблема состоит в том, что агрессивный индивидуализм и склонность к анархии, отсутствие навыков и нежелание конструктивного сотрудничества, тотальная нечестность, которые во многом есть, бесспорно, следствие тоталитарного общества, приводя к мысли о необходимости создания системы эффективно действующей вертикали власти (по образцам азиатских государств) с жестким контролем за соблюдением и соответственно неумолимым наказанием за нарушение любого без исключения нарушителя унифицированных государством правил игры.

⁴ Цит. по М.Л. Титаренко. Россия лицом к Азии, — М., 1998. — С. 42—43.

Переход от тоталитаризма к демократии, от централизованной экономики к рыночной в условиях отсутствия гражданского общества возможно осуществить лишь в условиях сильной власти. И здесь возникает проблема авторитаризма. Действительно, даже если коснуться мысли о возможности этого в наших условиях, встает вопрос, который обязательно возникает в каком бы то ни было западном обществе (потому что в западном довольно успешно функционирует тщательно разработанная и проверенная веками система противовесов и компенсаторных механизмов) ключевая проблема, это проблема сохранения стабильности и необходимости развития. Очевидно, что страна, которая погрузилась в хаос, не имеет сильной власти, где насчитывается ряд влиятельных враждующих кланов, не может рассчитывать на какие-либо экономические, а тем более социальные успехи. Политический кризис возникает, как правило, не во время ужесточения режимов, а наоборот, если они становятся мягкими, бессильными. Другой экстремум — это власть, которая ограничивает права граждан и уничтожает любое творчество и инициативу. Соблазн авторитаризма увеличивается, если власть с ее бутафорской демократией, существующие государственные институты прекращают выполнять свои задачи. И тогда, в особенности если появляется харизматичная фигура национального масштаба, устанавливается авторитарный режим. Для постсоветских стран это довольно обычный сценарий.

Но главное в том, что происходит дальше. Если, кроме деклараций и призывов навести порядок и дисциплину, а также сменить направление движения финансовых течений, ничего не изменяется, можно смело говорить о деструктивном авторитаризме. Если же за короткий период оживляется экономика, возрастает количество рабочих мест, повышается заработная плата и качество жизни, увеличивается рождаемость, то это справедливо можно назвать конструктивным авторитаризмом. Кроме того, такой авторитаризм объективно создает предпосылки для создания в последующем более гуманного, демократического общества. Так было в Южной Корее, Таиланде, на Тайване. Думается, так будет и в Китае. Такова логика развития обществ подобного типа. Короче говоря, политика как искусство возможного сводится к умению пройти между Сциллой хаоса и Харибдой насилия.

Все большую роль в жизни современного общества начинает играть информация. Мировые СМИ путем распространения квалифицированно препарированной информации активно стремятся влиять в желательном направлении на общественную мысль даже в таких странах, где власть достаточно строго дозирует информацию. Заметим попутно, что ограничение информации чисто технологически становится все более сложным делом для режимов, которые злоупотребляют такими средствами (Китай, Вьетнам, Куба, Ирак, Иран). Между прочим, кажется далеко не случайным то, что одним из первых шагов нового режима в России была попытка взять под контроль нелояльные к власти СМИ. С другой стороны, во многих странах Азии возрастает недовольство грубым навязыванием своих взглядов глобальными СМИ (Малайзия, Филиппины, Индонезия).

Сравнивая ситуацию, которая сложилась на постсоветском пространстве, где ожидания большинства преобразовать общество по либеральным рецептам, механически наложив матрицу развития западных стран на местную реальность, потерпели фиаско, с ситуацией в Азии, обратим внимание на две группы стран, опыт реформирования которых был довольно успешным.

Первая группа — это социалистические страны (Китай, Вьетнам), которые начали энергичные экономические преобразования, не изменяя политической системы. Принципы марксизма-ленинизма были провозглашены неприкосновенными, сохранялся контроль коммунистической партии над основными процессами, которые происходили в стране. Одновременно делалось все, чтобы соединить, по словам Ден

Сяопина, «преимущества централизованного планирования с гибкостью рыночной экономики». Напомним, еще в конце 70-х годов Китай был бедной страной с далекой от решения проблемой «обеспечения тепла и сытости». Все еще было много несчастных и голодных людей. Безработица носила всеобщий характер. А главное, что после неурядиц «культурной революции» люди утратили веру в будущее. В стране свирепствовал настоящий хаос. И в этот момент к власти в стране пришел Дэн Сяопин. Результат известен. Благодаря грамотному осуществлению политики реформ и открытости Китай за последние 20 лет достиг впечатляющего прогресса в своем развитии. По размерам ВВП (962 млрд. амер. долл.) Китай вышел на 7 место в мире⁵.

Валютные резервы КНР достигли 149 млрд. американских долларов Средняя продолжительность жизни увеличилась с 54 до 70 лет. Экономические и социальные успехи Китая не могут не поражать.

Действительно, у китайцев хватает проблем, среди которых прежде всего следует вспомнить проблему национального единства (Тайвань), сохранение территориальной целостности (Синцзян, Тибет), коррупцию, безработицу, падение авторитета правящей идеологии среди молодежи, увеличение разрыва в доходах между богатыми и бедными провинциями, разными слоями населения, противоречия между центром и региональными элитами. Но среди названных проблем больше тех, что присущи процессу развития, а не упадка.

И хотя Запад все еще использует проблему «прав человека» как инструмент политического давления на китайскую власть, поражают цифры товарооборота между США и КНР (приблизительно 80 млрд. долларов в год), которые красноречиво свидетельствуют о том, что мировой бизнес нередко игнорирует политические упражнения, все теснее привязывая Китай и Соединенные Штаты друг к другу. Вывод: стратегия развития китайского руководства, создавшего исключительно благоприятные условия для инвестирования, оказывает содействие обеспечению стабильности в Китае и в мире, снижает вероятность возникновения новой мировой войны.

Но главный вопрос остается открытым: «каким образом будет влиять рыночная экономика на политическую систему?» и «может ли сосуществовать (и если может, то как долго) авторитарный политический режим с высвобожденными рыночными силами?» На вторую половину вопроса ответ уже получен: может. Что касается первой части его, то здесь открывается широкое поле для политологического прогноза.

Если говорить о возможностях использования этого опыта в наших условиях, то, очевидно, следует согласиться с мнением тех специалистов, которые считают, что «китайскую стрелку» советский поезд проскочил еще в конце 80-годов и, возможно, именно благодаря этому испытал сокрушительную катастрофу. Китайцы же, которые, как хорошо известно, являются старательными учениками, неоднократно подчеркивали, что они сделали необходимые выводы из печального советского опыта. Так, один из китайских функционеров в частном разговоре рассказывал мне, как были поражены китайцы мгновенным распадом СССР. Он также отмечал, что нынешнее руководство КНР хорошо понимает невозможность быстрого разворота государственного корабля, ибо это угрожает крахом. Впрочем, перед китайским руководством все более остро встает вопрос реформирования политической системы, которая выглядит все более архаичной рядом с ушедшей далеко вперед экономикой. Но здесь Китай подстерегает немало очевидных и скрытых опасностей, для преодоления которых необходимы своего рода гарантии. По мере концентрации частного капитала, прихода нового поколения политиков с предположительно более плюралистическими взглядами и

⁵ В 2000 г. ВВП Китая превысил 1 трлн. дол. США, что вывело Китай на 6-ю позицию в мире.

склонностью к демократическим процедурам выборов⁶, укреплением позиций среднего класса может возникнуть угроза существующей системе власти. Компартия Китая стремится противостоять этому привлечением в свои ряды «новых китайцев» и образованной молодежи. Но достаточно ли этого? Думается, такие гарантии должны быть не в виде вооруженных сил и органов правопорядка, как это часто представляют, они, безусловно, являются лишь элементами ее, хотя и очень важными. Они должны быть в виде надежного социально-экономического механизма, который сохранил бы поступательное развитие всего китайского общества и в дальнейшем. Жизнеспособность китайской модели развития состоит в том, что она базируется на правильной роли, которую траст государство на разных этапах развития общества в процессе его постепенной трансформации.

Нужно отдать, однако, должное китайскому руководству, которое с самого начала реформ и открытости не прельстилось лозунгами «общечеловеческих ценностей», мудро оценив ситуацию как «всему свое время», проявляя политическую дальновидность, взялось за черновую работу в сфере экономики. Курс китайского руководства «преодолевать реку, нащупывая камни», то есть двигаться осторожно и взвешенно, проводя эксперименты, явно оказался весьма удачным. Опыт КНР — это единый пример перехода социалистической экономики на рельсы рыночного развития без падения жизненного уровня населения и серьезных социальных катаклизмов в огромных масштабах. В этом серьезный исторический урок.

Перспективность же китайской экономической модели реформ состоит в ее соответствии современным прогрессивным тенденциям развития мировой экономики. Китай уже сейчас в известной мере органически вписался в мировую систему взаимодействующих национальных экономик, после продолжительных 14-летних переговоров достиг с Соединенными Штатами соглашения о вступлении в ВТО. В Китае широко применяется иностранный опыт, потоком идут иностранные инвестиции но если дело доходит до национальных интересов, преимущество всегда отдается последним. Можно смело утверждать, что китайская модель реформирования состоялась.

В последнее время кризисное состояние украинской экономики оказало влияние на оживление дискуссий относительно возможности использования китайского опыта в Украине. Действительно, возможно ли использовать китайский опыт в наших условиях? По этому поводу высказываются парламентарии, политологи, экономисты. И здесь невооруженным глазом вырисовываются две тенденции. Первая группа (их количество незначительно, в основном это люди, которые посетили Китай и находятся под сильным впечатлением от увиденного) горит желанием срочно перенести китайский опыт на украинскую почву. Их увлечение можно разделять, но, если оставаться в мире современных реальностей, следует признать относительно небольшую вероятность этого варианта. Вторая группа (значительно более многочисленная) ударяется в другую крайность, обвиняя китайское руководство во всех смертных грехах и не замечая того позитива в жизни Китая, который давно уже признан всем миром. Складывается впечатление, что сторонники такого подхода просто недостаточно информированы, слабо знакомы с китайскими реалиями. Иногда же кажется, что их задача — не разобраться в процессах, которые они оценивают, а просто в очередной раз раскритиковать все то, что так или иначе связано с термином «коммунистический». Справедливости ради заметим, что наблюдаются также попытки использовать

⁶ Кстати, малоизвестен тот факт, что на протяжении последних лет в провинции Гуандун, которая является пионером в социально-экономическом реформировании, проводятся эксперименты с Выборами демократическим путем в местные органы власти.

экономические достижения КНР как аргумент в пользу коммунистических сил в Украине, например, в предвыборной борьбе. Правда же состоит в том, что концепция «социализма с китайской спецификой» в КНР используется как опережающая, мобилизующая модель развития, которая оказывает содействие ускоренному преобразованию страны. Представляется, как это ни покажется удивительно на первый взгляд, такую же самую или похожую роль в Украине мог бы сыграть девиз «Идем в Европу», в особенности если бы он был подкреплен реальными положительными сдвигами в плане экономики. Есть, по крайней мере, один аспект, на который следует обратить внимание и который бросается в глаза мгновенно. Китайские реформы имеют очень важный социальный компонент, который сохранил поддержку населения и оказывает содействие их воплощению в жизнь. Он состоит, в частности, в том, что провозглашен курс на так называемый «сяокан», термин, который можно перевести как «достаточная зажиточность». Это не что иное, в сущности, как своего рода альтернатива сегодняшнему западному обществу с его культом индивидуализма и безграничного потребления. Однако было бы серьезной ошибкой не замечать, что повышение жизненного уровня китайского народа повлекло за собой и негативные последствия, нашедшие свое отражение в таких явлениях, как усиление коррупции, рост преступности и наркомании. В известной степени эти явления перекликаются с тем, что происходило в украинском обществе за последние годы. Разница же состоит в том, что в китайском обществе ведется активная борьба против таких явлений. Мы же оказались безоружны против роста преступности и разгула аморальности в нашем обществе, особенно когда под лозунгами плюрализма и демократии начали утверждаться такие, с позволения сказать, идеалы, как «обогащение любой ценой», «после нас хоть потоп», «пофигизм», то есть равнодушие ко всему, что не касается собственных кармана и желудка. И еще полбеда, когда такие «идеалы» находят отклик в обывательской среде. Настоящие проблемы для общества начинаются тогда, когда вирусы стяжательства и коррупции поражают элиту. В который раз с грустью осознаешь ее важнейшую роль в обществах, проходящих этап перемен. Отсутствие, или по крайней мере нехватка духовной энергии, и политической воли, направленной на решение масштабных национальных задач, серьезно сказалась и продолжает сказываться на развитии украинского общества.

В Китае же, хотя и с разной степенью успеха, с этими и подобными недугами ведут настойчивую борьбу. Так, в китайском руководстве сегодня явно присутствует понимание того, что сами собой, автоматически эти явления не исчезают. Вероятно, поэтому научные работники в Китае обсуждают проблему «модернизации человека». Вновь и вновь обращаются здесь к конфуцианскому наследству, в котором упоминается о «благородном муже», который, как предполагается, и будет жить в обществе так называемой «достаточной зажиточности». По сути, речь идет о человеке с чувством меры во всем, включая его отношения с окружающими и природой. Уместно вспомнить, что Дэн Сяопин, снятый со своих высоких должностей во время кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», по возвращении к власти сделал концепцию «сяокан» стратегией развития Китая на весь XXI век. Иностранцы наблюдатели заметили, что Дэн Сяопин был хорошо знаком с тем фактом, что Чан Кайши после бегства с материка на остров Тайвань поклялся построить здесь общество «достаточной зажиточности», и ему действительно удалось выполнить свои обещания. Дэн Сяопин как мудрый политик хорошо понимал, как много теряет Пекин, отходя от конфуцианских традиций. Он был хорошо осведомлен о том, что политики и ученые Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня неоднократно подчеркивали отличие их капитализма от западного, называя его «конфуцианским капитализмом». Китаю необходимо было вернуть его законное право на конфуцианское наследство. И Дэн Сяопину действительно удалось

сделать невозможное: вывести страну из культурной изоляции, возвратив ее в традиционный конфуцианский ареал, не отказываясь при этом от принципов марксизма-ленинизма.

Говоря об усилиях Дэн Сяопина сделать китайский социализм более привлекательным и приемлемым для окружающего мира, надо признать их довольно удачными. На заявления китайского лидера о конфуцианстве в жизни китайцев быстро отреагировала влиятельная китайская диаспора, которая мгновенно расценила эти сигналы как симптомы возвращения Китая к нормальной жизни. Он даже сделал большее: соединив разработанную им концепцию «одно государство — две системы» с теорией «сяокан», Дэн Сяопин фактически лишил Тайвань возможности называть себя «вторым Китаем». Все это дало основания вдумчивым «наблюдателям за китайскими делами» называть порядок, к которому идет Китай, «конфуцианским социализмом». Вообще же, надо заметить, роль Дэн Сяопина еще далеко не оценена по достоинству в нашей стране, да и вообще на постсоветском пространстве. А ведь он стал во главе наибольшего государства в мире, когда был уже в довольно преклонном возрасте. Чрезвычайно скромный, мудрый, простой, он был плоть от плоти китаец. Кроме того, он возглавил бедную и голодную страну в период жесточайшего кризиса, в 1978 году, когда Китай еще не оправился после «черного десятилетия» «культурной революции». По возвращении из политического небытия он посетил родную провинцию Сычуань. Люди были растроганы, когда увидели, как он заплакал от того, что увидел. Это были ужасные разрушительные последствия «культурной революции». Но его слезы не были слезами бессилия, в этих слезах китайцы увидели надежду и поверили в завтрашний день. «Генеральный конструктор государства» — так с уважением называют его сегодня многие в Китае.

Украинское общество ушло уже весьма далеко от событий 1991 года. Теперь китайский опыт в целом можно рассматривать разве что как запоздалый, хотя, что и говорить, весьма убедительный комментарий к горячим дискуссиям времен горбачевской перестройки: «Что раньше? Политическая или экономическая реформа?». Кстати, американский экономист, профессор М.Голдман, критически комментировавший деятельность российских реформаторов, в своей статье «Вы можете смело относиться с презрением к обществу, которое построили» писал так: «Посмотрите на Китай! Они начали с нуля, а сегодня забросали США и другие страны своей экспортной продукцией. Начали с 3 млрд. долларов в 1979 году, а теперь экспортируют на сумму больше 100 млрд долларов».

Безусловно, это очень хорошо иллюстрирует значение этого важнейшего по значению и масштабам эксперимента в истории человечества.

Небезынтересным для нас является и опыт азиатских стран второй группы, к которой можно отнести страны так называемого «конфуцианского капитализма», в первую очередь Японию, Республику Корея, а также Тайвань. Уже упоминавшийся нами Р.Скалапино называет эти и подобные им режимы авторитарно-плюралистическими.

Что это означает?

В политической сфере такого режима, неважно, какое руководство ее контролирует — военное или гражданское, ограничивается масштаб политических соревнований и степень политических свобод в сравнении с теми, что разрешены в демократическом обществе. Вместе с тем разные общественные институты, такие как религия, образование, семья, пользуются значительной свободой от государства. Экономика характеризуется наличием сильного рынка, но государство сохраняет за собою роль главного планировщика и арбитра. Большое внимание отводится повышению эффективности (а значит, и качества) бюрократического аппарата, а также

борьбе с коррупцией. Приоритетное внимание уделяется вопросам образования и подготовки кадров. Все страны этой группы прошли сложные преобразования и испытания. Вследствие институциональных изменений произошли весьма быстрые структурные изменения в экономике, обеспечившие экономический рост, появился образованный и материально благополучный средний класс, возникли объективные предпосылки для возникновения гражданского общества. И лишь после этого созрели условия для создания различных политических партий, деятельность которых ранее была запрещена. Постепенно общество становилось более пригодным к крайне осторожному и выборочному восприятию ценностей западной демократии. Путь этот занял довольно длительное с точки зрения человеческой жизни, но очень короткое с точки зрения исторического развития время, всего каких-нибудь 30—50 лет.

Судя по действиям российского руководства, эта модель оказывает известное влияние и на его политику. При этом, несмотря на всю политическую, экономическую и пропагандистскую борьбу, которая происходила в этих обществах, трудно не заметить, что у режимов, исповедующих «конфуцианский социализм» и «конфуцианский капитализм», есть немало общего. Очевидно, следует согласиться с мнением, что разница между ними постепенно будет стираться, пока не исчезнет совсем⁷.

Положительный опыт, приобретенный азиатскими странами в области общественно-политического реформирования, пока что у нас недостаточно исследован и оценен; его необходимо тщательно изучать, используя отдельные его элементы в процессе внутренних преобразований в Украине.

⁷ Более детально об этом см. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй. — М., 1998. — С. 265-279.